

Рождество - это время милосердия, доброты и всепрощения, это единственные дни в календаре, когда люди... свободно раскрывают друг другу сердца и видят в своих ближних таких же людей, как они сами.

Чарльз Диккенс.

BLAGOVEST

НОВЫЙ
СБОРНИК

СВЯТОЧНЫЕ
РАССКАЗЫ

Святочные
истории

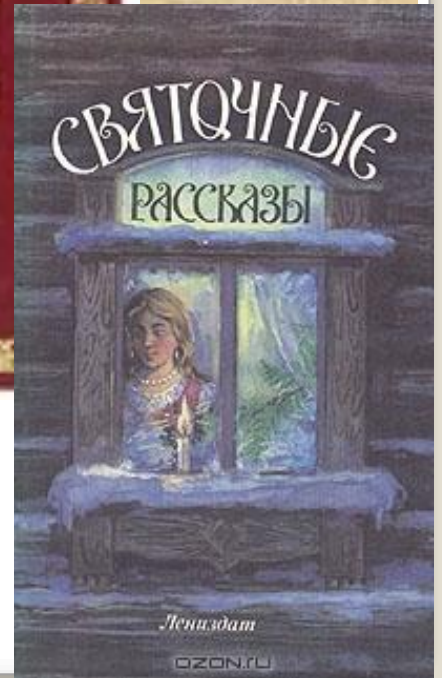

Святочные
рассказы

СВЯТОЧНЫЕ
ИСТОРИИ

СВЯТОЧНЫЕ
РАССКАЗЫ

СВЯТОЧНЫЕ
РАССКАЗЫ

Ленинград

OZON.RU

«Дары Артабана» Г. Петров
«Рождественский подарок» П.Хлебников
«В канун Сочельника» А.Круглов
«Рождество» И. Шмелев
«Бедный принц» А. Куприн
«Неизменный рубль» Н.Лесков
«Ёлка Митрича» Н.Телешов

НОВОГОДНЯЯ ЁЛКА

Рассказы русских писателей

Художник Ольга Ионайтис

МОСКВА
РОСМЭН
2016

Пока он говорил, небо заволочилось тучами. Среди дня тьма наступила, как ночь. Земля затряслась, будто тяжело вздохнула. Гром загредел, молнии прорезали небо от края до края; послышался треск, задрожали дома, стены покоснулись, камни посыпались. Тяжелая черепица сорвалась с крыши и разбила голову старика. Он повалился на землю и лежал бледный, истекая кровью.

Девушка наклонилась над ним, чтобы помочь.

Артабан зашевелил губами и стал что-то тихо говорить, а лицо его озарилось светлой улыбкой. Казалось, умирающий видит Кого-то Незримого перед собой. Прерывающимся шепотом он говорил:

— Господи, да когда же я видел Тебя голодающим и накормил? Когда видел Тебя жаждущим и напоил? Тридцать три года я искал Тебя и ни разу не видел Твоего лица, не мог послужить Тебе, Моему Царю.

И в тонких струях вечернего ветра, чуть-чуть шелестевшего волосами умирающего, откуда-то с неба донесся ласковый неземной голос:

— Истинно говорю тебе: все то, что ты сделал нуждающимся братьям твоим, то сделал Мне.

Лицо Артабана преобразилось. Он обреченно вздохнул всей грудью, поднял к небу благодарно глаза и навеки почил.

Кончились долгие странствования старого вохва. Нашел наконец Артабан Великого Царя, Спасителя. Приняты были его дары.

П. Хлебников

Рождественский подарок

I

Настал сочельник. Улицы Марсея были запружены народом. Погода выдалась в этом году на диво хорошая. Трудно было представить себе, что теперь была зима. Солнце светило по-весеннему, сновавший по улице народ был одет совсем легко. Море было спокойно и отливало на солнце медной бронзой, тихо и ласково шурша по прибрежным камням.

По улицам ходили толпы народа, каждый спешил запастись чем-нибудь к празднику, каждый нес какой-нибудь сверток, и богатый, и бедняк старался заготовить что-нибудь, несшее радость, приятную неожиданность близким и друзьям...

На улице Сен-Жермен, в небольшом домике, выглядывавшем своими опущенными шторами на оживленную праздничную улицу, сидела в кресле молодая женщина, а около нее на полу возился мальчуган

15

Не могла она примириться с мыслью, что мальчик лишился отца, лишился и тех удобств и радостей, которыми он пользовался при жизни отца.

И сейчас, когда маленький Жорж уколол ее больно упреком, что отец был добрее, она снова вспомнила все свое горе, еще острее почувствовала, что не только она не может приготовить подарка в наступающий праздник своему дорогому малышу, но что им буквально нечего есть и нет уже денег купить... И ей стало невыносимо тяжело.

Потом вдруг у нее вышло решение. Она с каким-то отчаянием вскочила на ноги, пошла в соседнюю кухню, улыблась, потом приделалась и стала одевать Жоржа.

— Мама, мы пойдем покупать лошаду? — спросил наивно мальчик.

— Да, милый, пойдем. Пойдем далеко в город, только слушай меня и делай все то, что я тебе скажу. Пойдем.

Что-то мрачное прорезало лоб матери, видно было, что нелегко ей было решиться на то, что она задумала.

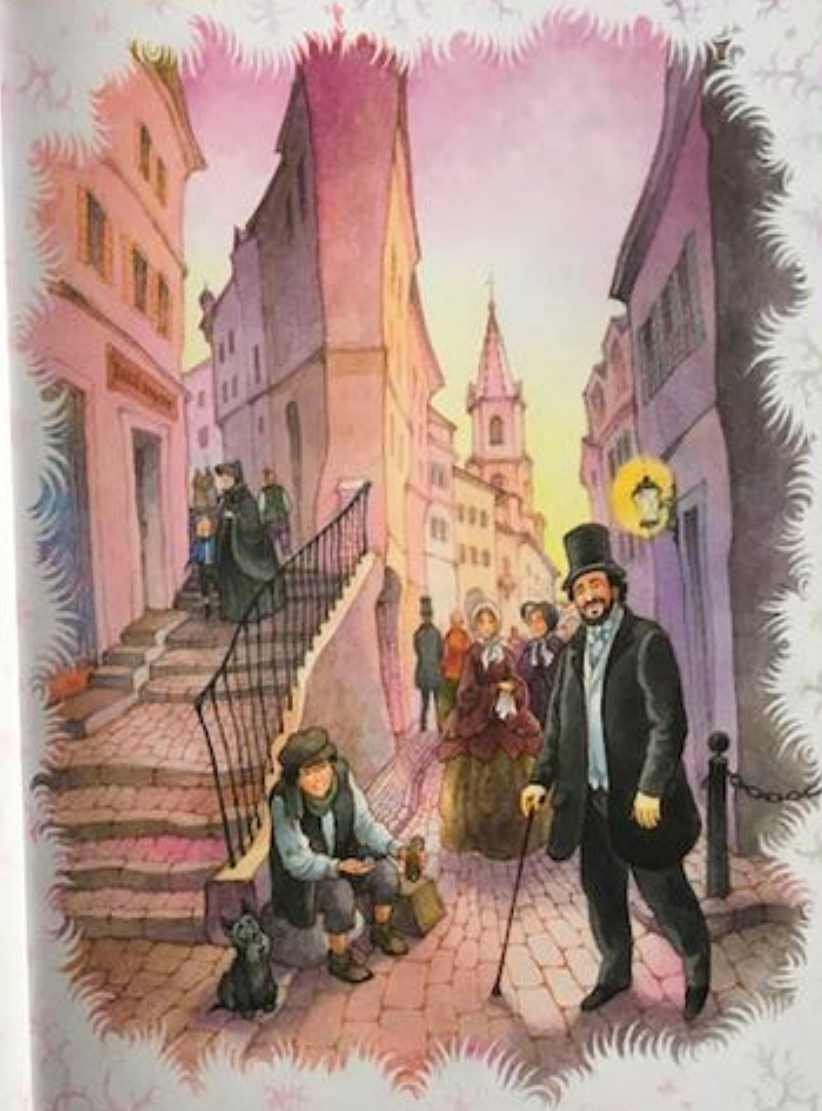
Мать с сыном вышли наружу, где их сразу же обнял сияющий день, а еще через несколько минут они замесались в суетливой толпе, сновавшей по улицам Марселя.

II

В этот день с утренним поездом, чтобы поехать к дневной репетиции, приехал в Марсель знаменитый в Европе тенор, итальянец Марио.

Марио происходил из одной аристократической итальянской семьи, настоящая его фамилия была Джузеппе-де-Кандиа. Отец его разорился и умер, когда мальчик был совсем маленький, кто-то из добрых людей подобрал его, позаботился: у него заметили необыкновенный голос и дали ему возможность учиться петь. Голос его был так хорош, что он действительно скоро завоевал себе всеобщие симпатии на родине, а затем, когда молва о нем распространилась за границей, его стали приглашать во все столицы Европы, и, бывший еще так недавно бедным, Джузеппе скоро прославился на весь мир как знаменитый тенор Марио.

Марио вышел из гостиницы посмотреть на незнакомый город. Он, рассеянно разглядывая толпу и витрины в магазинах, дошел до площади, на которой начинался оживленный рынок. Площади была

обсажена огромными платанами, которые уныло торчали своими распростертыми зонтиком голыми ветвями. Марио присел на одну из скамеечек под платаном и рассеянно разглядывал прохожих. Вот по противоположному тротуару идет молодая женщина в черном, держа за руку маленького мальчика с длинными, падавшими на плечи светлыми кудрями. Марио загляделся на мальчика, на его милое личико; вот мать нагнулась к нему, сказала что-то, и мальчик, робко озираясь на мать, отпустил ее руку и пошел прямо к Марио.

— Господин, — сказал он, глядя сконфуженно на Марио, — мама просит вас... нет ли у вас несколько мелочи?

Марио скользнул взглядом по мальчику, потом посмотрел на стоящую вдали и отвернувшуюся мать, снова взглянул на мальчика и понял, что это не обычные попрошайки, а что, должно быть, крайняя нужда вынудила их идти на улицу с протянутой рукой.

— Сейчас, мой милый, с удовольствием, — ответил Марио и полез в карман за кошельком.

Вдруг лицо его изменилось. Он сунул руку в другой карман, потом в жилет и, к своей досаде, убедился, что кошелька нет.

— Мне очень жаль, голубчик, — сказал он ласково мальчику, — но я забыл кошелек в гостинице, у меня нет ни одного су.

Мальчик сконфуженно повернулся и пошел к матери.

Случай был совсем незначительный, но он ужасно взволновал Марио. Мгновенно пронеслись в его голове воспоминания далекого-далекого прошлого. Потом он представил себе стыд, унижение этой матери с ребенком, принужденных просить, их нужду, и вдруг его озарила мысль.

Марио окликнул мальчика. Снова мальчик сконфуженно подошел и вопросительно глядел на незнакомца.

— погоди, мой милый, мне пришла одна мысль, дай-ка твою руку, пойдём. — И, взяв мальчика за руку, Марио взглянул на его мать, вежливо приподнял шляпу и подошел к домам, где были открыты окна.

Марио снял шляпу и залез.

По мере того как Марио шел, в окна домов показывались все новые и новые лица, прохожие на улицах останавливались, окружая его кольцом, лютенному слух о необыкновенном певце распространился дальше, по улицам и переулкам, и вскоре вся площадь была так заполнена народом, что не только нельзя было проехать, но трудно было бы протиснуться.

На площадке стояла необыкновенная тишина, так что голос певца свободно разносился до отдаленных углов площадки. Когда певец закончил, вся толпа, как один человек, стала безумно аплодировать, кричать «браво» и просить певца спеть еще. Марио постоял немного и спел еще одну песню. Толпа с любопытством разглядывала любопытную группу: изящно одетого, красивого певца, женщину в трауре и золотокудрого мальчика. Когда Марио дошел и снова раздались бурные взрывы одобрения, он раскланялся со сконфуженной улыбкой и, передав свою шляпу мальчику, указал ему на толпу.

Мальчик пошел с проткнутой шляпой, и возбужденная от восторга толпа щедро бросала в шляпу все, что попадалось в карманах. Тут были и су бедняков, и французские монеты, и даже несколько пятифранковиков. Мальчик с трудом протискивался вперед. Какой-то господин, увидев, что он не привык справляться с этим, очевидно, незнакомым ему делом, взял его под свою опеку и повел его дальше.

Мало-помалу толпа стала редеть, всякий спешил по своим делам. Мальчик наконец с трудом притащил к матери полную шляпу набросанных туда денег и с довольным видом поставил ее к ней на колени. Жорж был очень доволен этим приключением: последнее время жизнь его была так скучна и однообразна.

Мать одиноко сидела на скамье перед платаном, и слезы лилились из ее глаз градом.

— Мама, что же ты плачешь? — с недоумением спрашивал Жорж. — Ты посмотри, сколько денег, мы ведь можем теперь купить не только ослика, но, мне кажется, мы можем купить даже лошадку. — Жорж был очень сведущ в денежных делах.

На следующий день состоялся давно ожидаемый спектакль с участием Марио. Театр был переполнен. Певцу бурно аплодировали во время первого акта. Но Марио несколько не удивился этому, он к этому так привык. Когда занавес опустился после первого акта и Марио стали вызывать, он тоже не был несколько удивлен; всегда и везде бывало так. Он спокойно, с привычной улыбкой, вышел к рампе.

Но случилось нечто совсем неожиданное: когда он оказался у рампы, то сразу заметил, что весь театр был в необыкновенном волнении. Что-то кричали, чего он никак не мог разобрать. Махали платками, бросали из лож цветы.

Наконец он разобрал раздававшиеся крики: «Песню на площадке! Браво, Марио! Песню на площадке!»

Краска залила лицо Марио. Так его узнали! А публика все шумела, махая платками, засыпала его цветами и требовала «песню на площадке!»

Сегодня я узнал (а) ...

Мне было интересно...

Мне было трудно...

Мне захотелось...

Я смог (ла) ...

Я попробую...

Я понял (а), что...

Я почувствовал (а), что...

Я приобрел (а)...